

Эрик С. Рейнерт

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РОСТЕ¹

Без утопистов прежних времен люди по-прежнему жили бы в пещерах, голые и несчастные. Именно утописты обрисовали контуры первого города... Щедрые мечтания обернулись благотворной реальностью. Утопия — это принцип любого прогресса, набросок лучшего будущего.

Анатоль Франс (цит. по: Fuz, 1952)

1. ВВЕДЕНИЕ: «РЕНЕССАНСНОЕ ГОСУДАРСТВО» ПРОТИВ «ЕСТЕСТВЕННОЙ ГАРМОНИИ»

В 1338 г. Амброджио Лоренцетти завершил работу над фресками «Аллегория хорошего и плохого правления» в ратуше Сиены. На фреске, символизировавшей хорошее правление, художник изобразил процветающие лавки, красивые здания и танцующих горожан, весело проводящих свой досуг. Символами плохого правления выступали руины, насилие, грабежи и убийства. «Аллегория хорошего и плохого правления» выступает как выражение оптимистического ренессансного представления о безграничных возможностях человека по улучшению своей жизни. Ренессансу было свойственно понимание истории как непрерывного оптимизационного процесса, при котором «разум и воля человека», применяемые для обуздания сил природы, несут в себе колоссальный потенциал по облегчению его участи: «У познания нет пределов».

Отправной точкой ренессансной экономики и рождения современного государства служило острое осознание несовершенства текущего положения, в котором пребывало человечество, погрязшее в невежестве и нищете Средневековья. Эта ситуация, очевидно, могла быть исправлена, и такая оптимизация превратилась в погоню за вечно удаляющейся целью на горизонте. Движущей силой этого процесса стало обучение — приобретение новых знаний, а сам этот процесс напоминал современную эволюционную экономику в ее наилучших разновидностях (см., например: Lundvall, 1994; динамическая оптимизация обсуждается в: Nelson, 1995).

1. Journal of Economic Studies. 1999. Vol. 26. № 4/5. P. 268–326.

Польза, приносимая государством в этом процессе, вытекает из ренессансной концепции общего блага² — системного параметра, затерявшегося в атомизированной и статичной структуре современной мейнстримной экономики. В данной статье мы будем пользоваться термином «ренессансное государство», понимая под ним активное и идеалистическое государство, которое, как мы постараемся показать, являлось «обязательной контрольной точкой» на пути, пройденном всеми современными индустриальными нациями; оно побуждало нацию к экономической активности, насаждая общее благо путем повышения отдачи и создания самоподдерживающихся механизмов обратной связи. На простейшем уровне общее благо создается синергизмом, источником которого служит совместное бремя фиксированных издержек, чего можно добиться либо специализацией орудий, либо специализацией знаний, примерно как в притче о слепом и глухом, которые улучшили свое положение, объединив усилия. Мы также укажем, что развитие сложных экономик обладает существенным сходством с развитием сложных технологических систем и что в обоих случаях работа механизмов положительной обратной связи, повышающих благосостояние, в первую очередь основана на повышении отдачи. Кроме того, такой системный синергизм основан на разнообразии — точно так же, как само существование и благоденствие семьи принципиально зависит от синергизма, корнящегося в различии между мужчиной и женщиной. Таким образом, общее благо оказывается системным явлением, основанным на синергизме, представляя собой динамическую концепцию, связанную с процессом увеличения размеров экономического пирога — приблизительно такой же процесс был описан Адамом Смитом, который еще до своих встреч с французскими физиократами в «Теории моральных чувств» (Smith [1759], 1812) выступал за государственное вмешательство в поддержку отдельных отраслей (работающих с возрастающей отдачей), не помогающее ни потребителю, ни производителю, но оказывающее благоприятное воздействие на систему в целом ради «общего блага». Тут важно отметить, что действия, проистекающие из понимания «системного общего блага», принципиально отличаются от идеи распределительных коллективных действий — в условиях статичного рентоискательства и игр с нулевой суммой — в современных англосаксонских экономиках³.

Участие государства в ренессансной экономике носило крайне активный и в то же время крайне идеалистический характер. В книге Альберта Хиршмана (Hirschman, 1991) приводится обзор аргументов, которые еще с конца

2. Интересно отметить, что люди, заботившиеся об «общем благе», воспринимались как враги тиранов. См. такое высказывание 1579 г.: «Он сумеет сохранить свою тиранию, лишь избавившись от всех добрых граждан» (Golding, De Mornay, цит. по: The Oxford English Dictionary. Oxford: The Clarendon Press, 1933. Vol. 3. P. 696).
3. Наш анализ основан на роли позитивных и динамических системных эффектов, влияющих на размер экономического пирога. Такая аргументация принципиально отличается от той, которая доказывает, что конфликты по поводу распределения пирога — и статичные, и развивающиеся во времени — вполне могут уменьшить его размер, как и антисоциальные коллективные действия, описанные, например, в работах Мэнкура Олсона.

XVIII в. выдвигались против такого типа активного и идеалистического вмешательства в «естественную гармонию», создаваемую рыночным механизмом. Хиршман знакомит нас с историей идей, аргументированно объясняя, почему оптимистические фрески Амброджио Лоренцетти, иллюстрирующие способность человека к улучшению своей участи, в лучшем случае были наивными и несерьезными. У Хиршмана собраны аргументы в пользу пассивности как стратегии⁴, выступающей как логическое следствие «печальной науки» Рикардо. В этой статье мы рассмотрим роль государства в экономическом росте и в истории экономической мысли, разрывавшуюся между двумя диаметрально противоположными экономическими подходами: активно-идеалистической ренессансной традицией, в центре которой стоит производство, и пассивно-материалистической традицией Адама Смита, Дэвида Рикардо и неоклассических экономистов, в центре которой стоит обмен.

Хиршман разделяет аргументы против какой-либо активной стратегии со стороны государства на три категории и, к своему удивлению, выясняет, что и традиционные «правые», и традиционные «левые» постепенно склоняются к аргументации одного и того же типа:

- 1) *пагубность*. Любая попытка улучшить экономический или социальный порядок влечет за собой последствия, противоположные замышлявшимся. Этот аргумент четко прослеживается уже в последних работах Адама Смита;
- 2) *тщетность*. Любая попытка изменить экономический или социальный порядок обречена на неудачу;
- 3) *рискованность*. Любая попытка изменить экономический или социальный порядок влечет за собой издержки, которые настолько велики, что ставят под угрозу уже ранее достигнутое.

«Zeitgeist» конца 1990-х гг., несомненно, более близок к тому, о чем говорит Хиршман, чем к оптимизму Лоренцетти и его эпохи. Однако падение Берлинской стены дает нам возможность переосмыслить роль государства в экономическом развитии, не подвергаясь тому идеологическому давлению, которое давало о себе знать не только во времена холодной войны, но и с тех пор, как 150 лет назад на сцену вышел «призрак коммунизма». В то же время наша задача серьезно осложняется тем, что краеугольным камнем современной мейнстримной экономики — как следствие стандартных предположений неоклассической теории — по-прежнему является естественная гармония мира, лишённого каких-либо системных эффектов, мира самуэльсоновского выравнивания цен на производственные факторы: та естественная гармония, которая сделает всех получателей жалования на планете одинаково богатыми — если только нам удастся установить «правильные» цены и создать «равные условия для всех».

4. Выражение позаимствовано мной у Арно Даастёля.

Такая философия естественной гармонии ведет к отрицанию государства как такового, что мы видим в «Гражданском неповиновении» Генри Дэвида Торо (Thoreau, 1849) и современных проявлениях этой идеологии — таких как взрыв Федерал Билдинг в Оклахома-Сити в 1995 г. Мы живем в обществе, разрывающемся между стремлением к простой индивидуалистической жизни Торо, корни которой восходят к концу XVIII в. с его идеалом жизни за пределами любого общества («Почему люди так озабочены? — вопрошает Торо. — Ведь тому, кто не ест, и работать не приходится»), и между приверженностью к жизненным стандартам, которые возможно поддерживать лишь в условиях чрезвычайно узкой специализации, синергизм и масштабы которой необходимы для создания системных эффектов, ведущих к «общему благу» ренессансных экономистов. Эти экономисты отмечали, насколько богаты многолюдные и экономически диверсифицированные города — такие как Венеция — по сравнению с нищетой недиверсифицированной экономической базы в сельской местности и в сельскохозяйственно-административных городах наподобие Неаполя. Даже пессимист Макиавелли, который «стремится показать нам человечество в его самых отталкивающих и печальных аспектах» (Canina, 1937), выражается таким образом: «Il bene commune è quello che fa grandi le città» — «Общее благо — вот что делает города великими».

Однако в наши дни ситуация осложняется тем, что всякие системные эффекты в экономике — и соответственно, какая-либо роль государства — оказались вытолкнуты за пределы господствующей экономической теории. Этот факт тем более пагубен в силу того, что, как мы попытаемся показать в нашей статье, опыт современных индустриальных стран свидетельствует о том, что необходимость государственного вмешательства тем сильнее, чем беднее данная страна. Авторы экономической теории живут в странах, где сильное государство воспринимается как данность, где «обязательная контрольная точка» государства ренессансного типа уже давно пройдена.

Предположения неоклассической экономики соответствуют миру, который отвечает идеалу Генри Торо: никаких институтов, созданных людьми, и никаких системных эффектов. Чтение Торо — ключ к пониманию того недовольства, которое средний американец испытывает по отношению к правительству любого вида. Торо разделяет с Адамом Смитом решительное неприятие каких-либо созданных людьми институтов и коллективных действий, придерживаясь взгляда — несомненно, навеянного произведениями Руссо — о том, что институты цивилизованного общества испортили человечество. В глазах Адама Смита любые созданные людьми институты — как частные, так и общественные — «столь неизменно приводят к „абсурдным“ результатам, что по определению не обладают никакой легитимностью» (McGraw, 1992).

Неоклассические экономисты поддерживают на плаву миф, созданный Торо и Адамом Смитом, будучи не в состоянии учесть в своих теориях системный синергизм обществ, складывающихся из многообразия про-

фессий, каждая из которых обладает минимальным размером, ниже которого лишается эффективности, что, в свою очередь, диктует минимальный эффективный размер самого общества. Этот минимальный размер, а также минимальный уровень жизни растут по мере прироста знаний и появления новых профессий, формируя фундаментальную взаимосвязь между географией и экономикой (Bücher, 1918–1919; Polanyi, 1957). Те же самые факторы последовательно вели к созданию сперва средневековых городских экономик, затем национальных экономик, а потом и к «глобализации». Необходимость в государстве фактически возникает из того же самого синергизма и взаимозависимости, а также из неодинаковых возможностей различных видов экономической деятельности обеспечить возрастание отдачи, на котором и основана эта система.

Таким образом, одна из проблем современной мейнстримной экономики состоит в том, что из нее — вследствие предпосылок о полном отсутствии возрастающей отдачи от масштаба и наличии идеальной информированности — вытекает теория, настолько же индивидуалистическая, насколько таковыми были взгляды Генри Дэвида Торо: эта теория не признает системных внешних эффектов. Современная экономическая теория не может объяснить нам, почему мы не можем одновременно и обладать своим пирожком (атолистический индивидуализм), и съесть его (высокие стандарты материальной жизни). По сути, именно в этом состоит причина того, что теории государства, компании или любых других институтов, созданных человеком, являются внешними по отношению к ядру экономической теории. Ренессансные экономисты говорят нам, что государство существует благодаря системным эффектам в экономике — тем эффектам, которые понимаются на шит и в ранних трудах Адама Смита. Современная практика навешивать — более или менее по принципу *ad hoc* — ярлык «экстерналий» или «сбоев рынка» на любые непредвиденные экономические последствия не слишком способствует пониманию экономических систем. Исключения типа *ad hoc* более заметны и легче поддаются воздействию у нас, в индустриальных странах, нежели в далеких странах третьего мира. По этой причине ключевым аргументом за существование единого рынка в Европейском союзе служит наличие возрастающей отдачи, наблюдаемое на практике (Доклад Чеккини), но никак не объясняемое в теории торговли. С другой стороны, теоретической основой для политики ЕС в отношении третьего мира служит отсутствие там возрастающей отдачи (традиционная торговая теория не допускает асимметричной торговли между сферами с возрастающей и снижающейся отдачей). Это нередкое и непоследовательное «жонглирование допущениями» в экономической теории уже подверглось осуждению со стороны Джоан Робинсон. С точки зрения третьего мира это можно рассматривать как альтернативную версию «золотого правила» — о том, что законы устанавливает тот, кто владеет золотом. Важной задачей, стоящей перед экономической теорией, мы считаем интернализацию тех экстерналий, которые повышают благосостояние: системного синергизма от разнообразия и от масштаба, истоки которого лежат в создании новых знаний

и их применении к тем производственным процессам, которым свойственна возрастающая отдача.

Главной темой доклада Всемирного банка 1997 г. о мировом развитии — который получит название «государство в меняющемся мире» — станет роль государства в экономическом развитии. Очевидно, доклад продолжит дискуссию о роли государства, начавшуюся с публикации «Восточноазиатского чуда» (World Bank, 1993). В этой статье рассматривается историческая роль государства в рамках иных предположений, нежели те, которых придерживается Всемирный банк. Эти предположения перечислены во втором разделе. По нашему мнению, своим успехом восточноазиатские страны в первую очередь обязаны стратегиям, несущим несомненное сходство с теми, которые применялись сперва Англией (начиная с 1480-х гг.), а затем и другими современными индустриальными нациями на ранних этапах развития. Исследования Всемирного банка не углубляются в прошлое более чем на 50 лет, вследствие чего это сходство едва ли будет ими вскрыто. Подобным образом история экономической мысли в наши дни в основном сводится к генеалогии неоклассической экономики, уроки же прежней экономической политики современных индустриальных стран по большому счету остаются «невыученными». У нас нет академической субдисциплины, которая бы называлась «история экономической политики», а индустриальные державы Европы и Северной Америки, по всей видимости, едины в общем непонимании своего прошлого и той роли, которую сыграло государство, выводя их из нищеты.

В данной статье мы попытаемся расширить поле зрения за пределы нынешней послевоенной эпохи, чтобы показать в 500-летней перспективе, что активная роль государства в «восточноазиатском чуде», о котором писали такие авторы, как Амсден (Amsden, 1989) и Уэйд (Wade, 1990), как обычно, носила фактически деловой характер, будучи «обязательной контрольной точкой» при переходе от неразвитого к развитому состоянию. Во втором разделе мы приведем альтернативный набор предположений о том, как создается и распределяется экономическое благосостояние, отличающийся от предположений мейнстримной экономики. В третьем разделе мы стремимся выявить те роли, которые исторически играло государство, содействуя общему благу. В четвертом разделе мы более внимательно рассмотрим системные теории, стоявшие за этими политическими мерами. В пятом разделе мы попытаемся показать, что такая политика «шумпетеровского меркантилизма», практически бессмысленная в узких неоклассических рамках, вполне совместима с различными новыми подходами к экономической теории. В шестом разделе наша тема будет рассмотрена в перспективе двух параллельных экономических канонов. Седьмой раздел посвящен кончине «ренессансной экономики», а в восьмом разделе вкратце освещается роль государственных предприятий в этой системе. В девятом разделе будет показано, как с подачи Адама Смита новые знания стали в экономической теории пониматься как игра с нулевой суммой, а десятый раздел выполняет роль заключения.

2. МЕХАНИЗМЫ, ВЫЗЫВАЮЩИЕ И РАСПРОСТРАНЯЮЩИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И БЛАГОСОСТОЯНИЕ

(с точки зрения активно-идеалистической ренессансной традиции, основанной на производстве)

Автор, взявший на себя задачу выявить влияние государства на экономический рост, обязан — явно или неявно — опираться на ту или иную модель механизмов, вызывающих экономический рост. Ниже мы попытаемся показать, в чем наши предположения отличаются от постулатов Адама Смита и неоклассической системы. Если пользоваться терминологией Вернера Сомбарта, можно сказать, что наш анализ основан на наборе предположений активно-идеалистического характера, выстраивающихся вокруг производства, в противоположность современной мейнстримной теории, которую в этом контексте можно назвать пассивно-материалистической и выстроенной вокруг обмена.

Наш набор предположений, отличаясь от предположений современной мейнстримной экономической теории, в силу этого приходит к иному взгляду на роль государства в экономическом росте. Поясним: если бы условия «реального мира» соответствовали предположениям неоклассической теории, мы бы тоже разделяли мнение о тщетности любых попыток повлиять на рост дохода и его распределение. Однако, как мы укажем, факторы, вызывающие неравномерное экономическое развитие, — когда определенную роль может сыграть вмешательство государства — являются теми самыми факторами, от которых отмахивается неоклассическая теория. Когда неоклассическая теория «права», она в отношении ключевых моментов «права по неверным причинам». Например, можно указать, что выгоды, приносимые международной торговлей, имеют своим источником главным образом то, что Шумпетер называл исторически возрастающей отдачей — сочетание возрастающей отдачи и технических изменений — а не статичную прибыль, о которой говорит теория Рикардо. Из подобных факторов, упускаемых мейнстримной теорией, вытекает необходимость «управлять рынком».

В этом вопросе, по-видимому, можно выделить три основных аспекта:

- 1) как создается экономический рост;
- 2) альтернативные механизмы, посредством которых экономический рост и благосостояние распределяются в национальном государстве и между государствами, доходя до индивидуума;
- 3) каким образом это альтернативное понимание опирается на иную философскую основу.

Три эти аспекта вкратце обсуждаются в трех следующих подразделах.

2.1. Предположения о причинах экономического роста

Важной отправной точкой, по нашему мнению, является тот факт, что современной мейнстримной экономике — в качестве набора вариантов, опирающихся на неоклассическую парадигму, — в принципе не хватает теории экономического развития, которое в этой экономике понимается просто как процесс прибавления капитала к труду. В 1956 г. стэнфордский экономист Мозес Абрамовиц показал, что накопление капитала отвечает только за 10–20 % экономического роста в США — назвав эту цифру «мерой нашего невежества о причинах экономического роста».

Какие же силы порождают благосостояние? Создается впечатление, что процесс поиска «приблизительных причин роста», как называет их Абрамовиц, проводится по принципу ибсеновского Пера Гюнта, для которого луковица — как и собственное внутреннее «я» — лишь раскрывалась слой за слоем, не обнаруживая никакого ядра. Можно указать, что перечисленные ниже факторы следует рассматривать как «реагенты», т. е. факторы, которые порождают экономическое благополучие лишь тогда — и только тогда, — когда все они имеются в наличии. Эти «реагенты» один за другим вскрывались в современной экономике, начиная от тех, что перечислены первыми. Причинами повышения экономического благополучия назывались:

- 1) рынки;
- 2) капитал;
- 3) технология (с упором на «техно-»: новые орудия и оборудование);
- 4) технология (с упором на «-логию»: новые навыки, новые знания);
- 5) отношение к новому знанию (со стороны людей и наций);
- 6) системные аспекты, обеспечивающие возникновение механизмов положительной обратной связи (возрастание отдачи, «от масштаба и от разнообразия»);
- 7) 7. рациональная воля человека («разум и воля»).

Современная мейнстримная экономическая теория в принципе ограничивается рассмотрением лишь первых двух факторов. Рынки и капитал — очевидно, необходимое условие, но только из них одних едва ли построишь теорию экономического роста. Новые исследования под лозунгом «эволюционной экономики», спонсируемые ОЭСР по программе ТЕР («Технологическо-экономическая программа»), учитывают фактор 3, а также во все большей степени фактор 4. Еще одной поразительной чертой экономики Адама Смита — в дополнение к его неприязни к вышеупомянутым институтам, созданным людьми, — являются приводимые им длинные и тщательные доказательства того, что производство знания, с точки зрения как индивидуума, так и общества, является игрой с нулевой суммой. Вероятно, именно в этом отношении наиболее заметен разрыв Адама Смита с ренессансной традицией; этот ключевой момент мы более подробно рассмотрим в девятом разделе. Сегодня — отчасти в результате выполнения программы ТЕР — в наше созна-

ние медленно проникает противоположный вывод Адама Смита: движущими силами экономической системы служат инновации, создаваемые новым знанием. Нации, отказывающиеся от инноваций, не в состоянии сохранить свой жизненный уровень, который снижается даже при сохранении экономической эффективности.

2.2. Предположения о механизмах распределения экономического роста и благосостояния

Другой, и наиболее важной, стороной в феномене экономического роста является то, что он представляется порождением ряда системных эффектов, которые не учитываются в теориях, атомистически изучающих лишь отдельных игроков в системе. Эти аспекты — синергизм, экономия от разнообразия и системная экономия от масштаба — являются отправными точками механизмов положительной обратной связи в экономике, становясь заметными лишь в том случае, когда объектом анализа служит система как таковая. Наличие или отсутствие таких факторов определяет, каким образом экономический рост распространяется на всю экономику — в первую очередь в одной из двух разновидностей: либо в виде повышения заработка человека-производителя, либо в виде снижения цен для человека-потребителя. В замкнутой системе между двумя этими способами извлечения благ из технических изменений не существует практической разницы. Напротив, в международной торговле, осуществляемой между двумя различными рынками труда с асимметричной структурой торговли (обмен продукции, отдача от которой возрастает, на продукцию, отдача от которой снижается), результат зависит от того, какая из двух этих моделей задействована.

В предыдущей статье мы ссылались на два этих альтернативных механизма как на «коллюзивный» и классический варианты распределения благ, приносимых технологическими изменениями (Reinert, 1994). «Коллюзивный» способ распределения дохода имеет общесистемный характер и происходит параллельно во всех индустриальных странах, преодолевших порог, созданный массовым производством фордовского типа. Удовлетворение требований о повышении номинальной заработной платы производится одновременно с увеличением денежной массы, происходящим как минимум в том же темпе, что и повышение национальной физической производительности. В классической модели распределения доходов с ее идеальной конкуренцией люди должны становиться богаче от того, что их покупательная способность растет благодаря снижению цен — в точности так, как предсказывали Адам Смит и Риккардо, — а не благодаря повышению номинальной зарплаты. Кроме того, мы указывали, что термин «конкурентоспособность» и его исторические эквиваленты использовались для того, чтобы описать наличие подобных системных результатов динамичной неидеальной конкуренции и коллюзивного распространения благ, создаваемых технологическими изменениями (Reinert, 1995).

Практические последствия всемирного распределения дохода, создаваемые двумя различными способами распространения благ, приносимых технологическими изменениями, наиболее бросаются в глаза в сфере услуг. В этом секторе, играющем колоссальную роль в любой экономике, обычно почти не существует различий в производительности трудящихся из стран первого и третьего мира. Производительность труда шофера автобуса, парикмахера или горничной почти одна и та же, что в Боливии или на Гаити, что в Норвегии или Италии. Почему же тогда реальная заработная плата парикмахера или шофера автобуса в Боливии или на Гаити составляет лишь малую долю — 10–20 % — от реальной заработной платы парикмахера или шофера автобуса в Норвегии или Италии? Почему «невидимая рука» настолько по-разному вознаграждает людей с одинаковой производительностью труда в разных экономиках? Мы полагаем, что эта ситуация является результатом *Strukturzusammenhänge* — системных эффектов, — порождаемых тем фактом, что значительная часть благ, происходящих от технологических изменений в сферах деятельности с возрастанием отдачи, распространяется в коллюзивном режиме, т. е. в виде более высокой заработной платы на местном рынке труда, нежели в виде общемирового снижения цен. С точки зрения бедной африканской страны то, что мы называем «экономическим развитием», по сути выглядит как система, основанная на «индустриальной ренте» от деятельности с возрастанием отдачи, которая распределяется по всем национальным рынкам труда. Существование отраслей с возрастанием отдачи — и соответствующих порогов, препятствующих участию в них, — порождает национальное общее благо, благодаря которому реальная заработная плата у норвежского водителя автобуса вдесятеро выше, чем у его боливийского коллеги, хотя производительность труда у того и у другого равны.

Как нам представляется, источником этих системных эффектов являются фиксированные издержки, свойственные орудиям человека: повышающееся усложнение орудий (и соответствующее повышение фиксированных издержек) и специализация навыков, необходимых для работы с этими орудиями, ведут к увеличению минимально эффективного масштаба операций во все большем и большем числе профессий и ко все большему разнообразию товаров и услуг. Это вызывает кумулятивную причинность и зависимость от пути. Например, деревня, дающая достаточно работы своему кузнецу (при фиксированной сумме затрат на поддержание огня в горне), получает явное преимущество над маленькой деревней, у которой нет своего кузнеца; так производится очередной кумулятивный шаг вверх по лестнице технологического усложнения. Именно в этом кроется причина того, что «разделение труда определяется размером рынка», — важного наблюдения Адама Смита, которое было забыто неоклассическими экономистами. Кроме того, этим объясняется то значение, которое экономисты досмитовской эпохи единодушно придавали высокой численности населения.

2.3. Различные философские основы активно-идеалистической традиции

Получение новых знаний представляло собой ключевую движущую силу экономической политики Ренессанса — а впоследствии любой «реальной экономики», будь то меркантилизм, камерализм или кольберизм. Если составить список экономических интервенций в ренессансной экономике, подобно тому, что приводится на *рис. 1*, нам станет ясно, что элементом, объединяющим эти с первого взгляда крайне разнородные виды экономической политики, является получение новых знаний и их защита. Более того, вся эта политика явно или неявно строилась на предположении о том, что одни виды знаний имеют большую ценность, чем другие. Соответственно, государство было заинтересовано в том, чтобы приобретать и защищать такие знания. На философском уровне это ценное знание производится разумом человека. Поэтому любая теория, не учитывающая разум и душу человека, не сможет объяснить улучшение материальных условий человека, т. е. экономический рост.

В активно-идеалистической традиции экономика и общественные науки требуют понимания иного типа, нежели естественные науки. Общественные науки, изучающие не законы, а цели и ценности, должны стремиться к пониманию (*verstehen*). С другой стороны, естественные науки нацелены в первую очередь на описание и концептуализацию (*begreifen*). Суть *Gesteiswissenschaften* — гуманитарных наук, или буквально наук о разуме — составляют качественные отношения. Поэтому ключевым аспектом этих наук является их несводимость к естественным наукам. Хотя в экономике тоже фигурируют числа, существует принципиальная несоизмеримость между числами (количествами) и некоторыми фундаментальными аспектами экономической науки, так же, как между разумом и волей человека. Немецкая экономическая традиция продолжала ренессансную традицию. Отсюда и внутреннее единство (*Strukturzusammenhang*), присущее *Gesteiswissenschaften* — скажем, отказ изолировать «экономического человека» от человека вообще, — ярко дававшее о себе знать в немецкой традиции от Лейбница до Вернера Зомбарта. Общее благо в ренессансной экономике также является результатом такого синергетического *Strukturzusammenhang*'а. Тот факт, что два наших водителя автобуса — один в Боливии, другой в Норвегии, — работая с одинаковой эффективностью, получают совершенно разную реальную заработную плату, есть результат экономических *Strukturzusammenhänge*, абсолютно не учитываемых современной атомистической экономической теорией и экономической политикой.

Экономическая политика, проистекающая из подобных теорий, проводится с разной степенью понимания принципов, лежащих в ее основе. Такая политика, в нашем понимании слова, не была основана на том, что принято называть научным анализом, а эти теории основывались на «ключках», на способе умозаключений, называемом «абдукцией», или фроне-

Создание академий наук

- «Новая Атлантида» Бэкона: дом Соломона
- Основание с подачи Лейбница академий в Берлине, Вене и Санкт-Петербурге

Поощрение изобретений и содействие изобретателям

- Бэкон: «За каждое ценное изобретение мы возведем памятник изобретателю и дадим ему щедрую и почетную награду»
- Вольф: «Следует запретить насмешки над изобретателями»

Распространение новых знаний и образования

- Бэкон: «Мы объединим с визитами важнейшие города королевства и, узнавая о новых при-быльных изобретениях, обнародуем* те из них, которые заслужат наше одобрение»
- Вольф как «просветитель германской нации»

Создание системы профессионального образования

- В Англии при Елизавете I (1558–1603)
- В Германии в результате просветительской деятельности Лейбница и Вольфа

Защита новых изобретений патентами (Венеция, XV в.)

- В этом проявилось углубленное понимание проблемы присваиваемости новых знаний

Государственные мануфактуры как «места обучения»

- Момент, подчеркивавшийся Вернером Зомбартом

Субсидии компаниям, работающим в отраслях, новых для страны или для региона

- Серра: разнообразие профессий как ключевой фактор, объясняющий богатство города

Налоговые послабления и премии компаниям, развивающим новые технологии

- Систематически использовались в Англии с начала правления Генриха VII в 1485 г.
- Импорт квалифицированного труда

Ограничения на перемещение квалифицированного труда

- Из Венеции под страхом смерти было запрещено выезжать представителям некоторых профессий

Запрет на вывоз машин

- Действовал в Англии до 1830-х гг.

Запрет на использование машин в колониях

- Наследие этой экономической политики до сих пор ощущается во многих странах третьего мира, которые, подобно Гаити, специализируются на отраслях экономики, не подвергшихся механизации

Пошлины на экспортируемое сырье

- Вводились с той целью, чтобы местные производители получали сырье по более низким ценам, чем иностранные конкуренты

Пошлины на импортируемые промышленные товары при гарантии внутринациональной конкуренции

- Машины рассматриваются как фактор, содействующий приобретению новых знаний; такая мера максимизирует приток капитала и труда в отрасли, где преобладает не ручной труд, а машинное производство

Усиление военно-морского флота

- Позволяет воспользоваться выгодами «экономии от масштаба при использовании силы»

Источник: Bacon (n. d. (1930s), p. 272).

Примечание: * «обнародовать» здесь понимается в смысле «сделать общедоступным, распространять, предлагать публике».

Рис. 1. Шумпетеровский меркантилизм: содействие новым знаниям и их защита в экономической политике Ренессанса (начиная с XVI в.)

сом, третьей формой познания по Аристотелю. (Более подробное обсуждение этой темы см. Reinert, Daastøl, 1995.) Эта традиция нашла продолжение в работах итальянского философа Джамбаттисты Вико (1668–1744), в американской философской традиции Ч. С. Пирса и в экономике «стилизированных фактов» Калдора (дискуссию о стилизованных факторах у Калдора см.: Lawson, 1989). Согласно Пирсу, «(индукция) никогда не в состоянии породить никаких идей, равно как и дедукция. Источником всех научных идей служит только метод абдукции. Абдукция сводится к изучению фактов и созданию теории, которая бы их объясняла. Единственное оправдание абдукции — в том, что если мы желаем хоть что-то понять, то лишь таким способом, и не иначе» (Pierce, 1867). Пирс здесь описывает роль, которую играло формулирование гипотез как ключевой элемент при приобретении новых знаний с точки зрения германских философов XVIII в. Лейбница и Вольфа.

Мы покажем, как политика вырабатывается путем абдуктивных рассуждений, приведя параллель из истории медицины. Начиная с XII в. средиземноморские моряки употребляли лимоны как противочинготное средство (Villner, 1986), и это была очень эффективная политика. Однако объяснение того, почему эта политика работает, было получено лишь в 1929 г., после открытия витамина С (Mervin, 1981). Аналогично можно утверждать, что вполне реально в течение какого-то времени проводить удачную экономическую политику, не вполне понимая все задействованные в ней факторы. Например, отождествление «прогресса», или способности платить больше налогов, с использованием машин во все большем числе отраслей приводит к удачной государственной политике, даже если причинные взаимосвязи между применением машин и благосостоянием не вполне четко установлены или остались непознанными. Интуитивная абдукция нередко предшествует тому, что мы назвали бы более «научным» типом познания. Мнение о том, что абдукция предшествует «науке», в 1623 г. выражал английский экономист Эдвард Мисселден: «Прежде мы это чувствовали, а теперь знаем это из науки» (Misselden, 1623).

Можно сказать, что деловые решения принимаются — как правило, в условиях очень высокой неопределенности — на основе интуитивной абдукции в отношении того, что хорошо для компании; в школах бизнеса это называется «менеджментом на основе нутряного чутья» (*management by gut feeling*). По-видимому, таким же образом в прежние эпохи осуществлялось управление государством. Изучая объемистые письма и инструкции Кольбера (Clément, 1861–1872), поражаешься его роли бизнесмена, стоявшего во главе огромной империи: в качестве предприимчивого менеджера корпорации «Франция», пытаясь развивать отрасли, основанные на знании, он сталкивался с тем, что историки техники называют «отстающими направлениями» (*reverse salients*) (обсуждение этой концепции см.: Wiebe et al., 1989) — или динамическими «узкими местами», тормозящими систему и требующими менеджерского внимания.

Если проводить различие между интуитивной абдукцией и «наукой», то позиция таких авторов, как Фридрих Лист, предстает в совершен-

но новом свете. Лист высказывал множество интересных идей и обладал интуитивным пониманием различных работающих механизмов (он признавал, что лимоны помогают против цинги, и выступал за их применение), но не сумел разработать концепции, которые бы четко объясняли нам происходящее (не знал, что все дело в витамине С). Как говорил о Листе Вернер Зомбарт, «его концепции витают в воздухе, подобно бесплотным душам на берегах Аида»⁵. Однако точно так же, как лимоны помогали против цинги за 800 лет до того, как были выяснены точные механизмы, почему это происходит, так и экономический рост успешно поощрялся путем использования «новых знаний» и «машин», в первом приближении заменявших собой скрытые факторы, вызывающие системный экономический рост.

3. ТРИ РОЛИ ГОСУДАРСТВА

В целях данной статьи мы считаем, что полезно разделить роли государства на три широкие категории:

- 1) государство *создает институты* — понимаемые в самом общем смысле («установление правил игры» / «обеспечение равных условий для всех»);
- 2) государство *распределяет доходы* и выполняет роль «страховой компании» (предотвращение ущерба / «дележ пирога»);
- 3) государство *поощряет экономический рост* (повышение благосостояния / «увеличение размеров пирога»).

Разумеется, существуют и другие классификации роли государства. Вильгельм фон Гумбольдт писал: «Таким образом, государство ставит перед собой одну из двух целей: оно призвано либо содействовать благоденствию, либо просто предотвращать зло» (Humboldt, 1996, p. 19). Другой немецкий экономист, Адольф Вагнер, выделял два разных типа задач, стоящих перед государством: право и власть (Rechts- und Machtzweck) и культуру и благосостояние (Kultur- und Wohlfahrtszweck)⁶. Однако нам важно разделять аспект благосостояния, учитываемый в этой классификации, на две совершенно различные категории: создание дохода и его распределение.

Наша статья в первую очередь посвящена третьему пункту — роли государства в создании (но не в распределении) дохода, однако необходимо сделать ряд замечаний по пунктам 1 и 2, чтобы выявить границы между ними, а также показать, где и как эти категории пересекаются.

О пункте 1: «Государство создает институты». Эти институты можно, с одной стороны, рассматривать как предпосылки, без которых «невидимая рука» не сможет обеспечить экономический рост. С другой стороны,

5. «...seine Begriffe „schweben“ umher wie die unerlösten Seelen an den Ufern des Hades» (Sombart, 1928. P. 929).

6. Эти формулировки взяты из: Wagner. Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Vol. 7. 4-е изд. Jena: Gustav Fischer, 1926. P. 773.

их можно рассматривать как составную часть более широкой и более активной стратегии, с которой связан пункт 3, — «государство активно увеличивает размеры пирога». Однако мы предпочли выделить основополагающие институты — которые едва ли уязвимы для тезиса о пагубности, тщетности и рискованности — в отдельную категорию. В число ключевых институтов входят частная собственность и успевшая набить оскомину германская концепция *Rechtsstaat* (гражданское или правовое государство). С повышением жизненного уровня возникают вторичные запросы и государство превращается в *Kulturstaat* (культурное государство) с его учебными, научными, благотворительными, санитарными институтами и пр. (Cohn, 1895). Подводя итог, один немецкий автор писал: «Пища, вода, одежда, кров, развлечения, социальное взаимодействие — вот основные потребности, удовлетворением которых занимается главным образом частная экономика; что же касается мира, порядка, безопасности, культуры, благотворительности — это более высокие потребности, которые удовлетворяет в первую очередь государственная экономика» (Cohn, 1895, p. 73; также цит. в: Baumol, 1952).

О пункте 2: «дележ пирога и распределение рисков» — идея о распределении неизбежных жизненных рисков имеет очень давнюю историю — те, кто путешествовал с верблюжьими караванами на Ближнем Востоке еще за 2200 лет до н. э., уже создали систему распределения рисков. Корни современного страхования восходят к середине XIV в. Те же идеи о разделении риска лежали в основе государства социального обеспечения, зачатки которого наблюдаются уже в Византийской империи, где идея о распределении жизненных рисков постепенно нашла выражение в распределении доходов. Размышления о социальном обеспечении очень четко просматриваются в произведениях немецких философов Готфрида Вильгельма Лейбница (1646–1716) и Кристиана фон Вольфа (1679–1754). Лейбниц предлагал создать национальную систему здравоохранения⁷ с тем, чтобы такая система стала основой для социального обеспечения, гарантируемого государством (Müller et al., 1973). Вольф подчеркивает, что выступает за государство, которое бы гарантировало индивидууму социальное обеспечение, а не предоставляло бы его автоматически («Ein Wohlfahrtsstaat, aber kein Versorgungsstaat» (Namslau, 1932)) — баланс, соблюдение которого и по сей день представляет собой сложнейшую задачу.

Очевидно, что «дележ пирога» нельзя рассматривать в полном отрыве от «увеличения размеров пирога». Экономические аргументы в пользу перераспределения доходов включают в себя и то соображение, что определенное перераспределение доходов необходимо для создания и поддержания массового рынка. По-видимому, именно этим аргументом оправдываются колоссальные трансферты средств в рамках Европейского сообщества — т. е. «бедность вредит бизнесу». Можно далее указать, что неравное распределение доходов угрожает социальной ткани общества, а соответственно и самой стране, и ее экономике. Но самый важный аргумент — аналогич-

7. См. *ero Directiones ad Rem Medicam Pertinentes*. 1672.

ный тому, что выдвигался американскими экономистами XIX в., — состоит в том, что непрерывное повышение цены труда по отношению к цене капитала является ключевым фактором в механизме положительной обратной связи, создаваемом государственным вмешательством: повышение относительной цены труда служит серьезным стимулом к дальнейшей механизации, которая приводит к дальнейшему повышению заработной платы и прибылей и т. д. Повышая квалификацию труда, мы увеличиваем и его ценность. Кроме того, этот аргумент играл важную роль в выступлениях американских экономистов XIX в. против мрачных теорий пауперизации в английской классической экономике и служил основой для двойной политики «высоких зарплат» и «американской системы производства», обеспечивавшей защиту отраслям с возрастающей отдачей. Ниже мы увидим, как аргумент о перераспределении доходов задействован в работе механизмов положительной обратной связи, создаваемых вмешательством государства в соответствии со следующим пунктом.

О пункте 3 — «Роль государства в увеличении национального богатства (увеличении размеров пирога)». Очевидно, что институты, упомянутые в пунктах 1 и 2, являются необходимыми, но, по нашему мнению, недостаточными условиями для экономического роста. Цель нашей статьи — выявить более активную роль, которую государство играет в экономическом развитии, представляя собой «государство развития». Необходимо выйти за рамки отношения к государству как создателю институтов, на которые существует «естественный спрос», и рассмотреть его роль при создании спроса на вещи, на которые не существует осознанного спроса, но которые тем не менее необходимы. Если люди не хотят давать образование своим детям — потому что сами не получили образования и нуждаются в повседневной помощи детей по хозяйству, — государству приходится играть новую роль: оно использует «свои способности к принуждению с целью создать всеобщий спрос на созданные им институты», — пишет Кон (Cohn, 1895). Здесь в игру вступает более зримая рука — роль «государства как фактора производства», если использовать термин Луиджи Эйнаути (Einaudi, 1942), восходящий к Адаму Мюллеру (Adam Müller, 1809). Нас в первую очередь интересует именно эта роль зримой руки. Сущность роли, играемой государством, сводится к удачному термину, сформулированному Робертом Уэйдом (Wade, 1990): «управление рынком». Очевидно, именно эта роль выступает мишенью обвинений в тщетности, пагубности и рискованности.

В историческом плане те роли, которые государство играло при обеспечении экономического роста, можно разделить на следующие категории:

- 1) *указание стране на «правильный бизнес»*, т. е. признание в качестве исторической отправной точки специфически-отраслевой природы экономического роста. Мы интуитивно понимаем, что Япония не занимала бы своего нынешнего места, если бы производила не недорогие автомобили и электронику, а недорогие рубашки, и что Паваротти не заработал бы столько денег, если бы не пел, а мыл тарелки, но это интуитивное понима-

ние несовместимо с современной экономической теорией, выстроенной вокруг обмена. В историческом плане все современные индустриальные нации (см.: Reinert, 1980; 1994; 1995) — по тем или иным причинам — прошли через первоначальный этап политики, основанной на понимании того, что не всякая экономическая деятельность в равной мере годится в качестве отправной точки для самоподдерживающейся системы положительной обратной связи, которую мы называем развитием;

- 2) *создание сравнительных преимуществ в «правильном бизнесе»*. Общим элементом всех успешных стратегий, позволивших догнать более богатые страны, служило убеждение в том, что свободная торговля нежелательна до тех пор, пока страна не создаст сравнительные преимущества в «правильной» отрасли (что среди всего прочего означает опору на навыки, а не на ресурсы). В основе этого убеждения лежало понимание того, что если во всемирной экономической системе существует всемирный спрос как на квалифицированный (высокооплачиваемый), так и на неквалифицированный (низкооплачиваемый) труд, то страна может застрять в тупике, имея сравнительное преимущество бедности и низкой квалифицированности;
- 3) очень большое значение придается роли государства как создателя инфраструктуры. Этот момент объединяет большинство «врагов» классической и неоклассической экономической теории, начиная от Кольбера (каналы, заставы, порты, торговый и военно-морской флоты) и Фридриха Листа (известного в Германии как «отец немецкой железнодорожной системы») и заканчивая Элом Гором — Робертом Райхом («электронная супермагистраль»). Инфраструктура, как и все прочие системные элементы экономики, вопиющим образом не учитывается в современной экономической теории (скажем, ее нет в экономическом словаре «The New Palgrave»). В то же время инфраструктура — ключевой фактор при расширении рынков; она выполняет роль тех «магистралей», в которых нуждаются механизмы положительной обратной связи для своего правильного размещения в географическом плане;
- 4) очень важной задачей государства является установление стандартов; с неоклассической точки зрения, речь идет о снижении транзакционных издержек, с эволюционной — задание основы для стандартизации массового производства. Посетитель ренессансных городов Италии и по сей день может видеть железные бруски, прикрепленные к церковной стене на главной площади, которые представляют собой стандартные эталоны мер, действовавшие в этом городе. В каждом городе были приняты свои меры, а сбор информации о них и составление таблиц перевода из одних мер в другие являлся важной задачей для авторов первых книг по экономике⁸. В наши дни задание стандартов очень важно для таких высокотехнологичных

8. Пример такой книги объемом в 218 страниц, впервые изданной в 1503 г. и выдержавшей пять переизданий: (*di Pasi B.*) *Tariffa di pesi e mesure (sic) corrispondenti dal Levante al Ponente; da una terra al laltra (sic): e a tutte le parte del mondo*, Bindoni, Venice, 9 октября 1521 г.

отраслей, как мобильная телефония. Очевидно, что государству также принадлежит важная роль по установлению юридических стандартов и обеспечению социальных добродетелей, необходимых для процветания⁹. Этот момент, которому придавали большое значение ренессансные философы, был заново открыт Фукуямой в его книге «Доверие» (Fukuyama, 1995);

- 5) государство отвечает за поставки квалифицированного труда и предпринимательских кадров, если в них ощущается нехватка. Ранние политические меры, которым нередко способствовали религиозные войны, были направлены на то, чтобы переманить в страну квалифицированный труд и предпринимателей из-за границы, наделяя их эксклюзивными правами (патентами) на ограниченный период времени, а также бонусами, налоговыми послаблениями и пр. В крайнем случае государство само может сыграть роль предпринимателя;
- 6) за исключением тех, кто твердо верит в закон Сэя — о том, что предложение само создает спрос, — все остальные согласятся с тем, что государство выполняет важную и очевидную роль создания спроса вообще. Более равномерное распределение растущего экономического пирога вымостило дорогу из викторианских трущоб, которые знали спрос лишь на продукты первой необходимости, на массовый рынок. Это событие — т. е. установление минимальной заработной платы — создало условия для промышленного производства и «фордизма». Американские экономисты XIX в. особенно четко понимали то значение, которое повышение квалификации имело для повышения рыночной цены труда — такая политика называлось «стратегией высокой зарплаты». Есть причины полагать, что резкое снижение экономического благосостояния, с которым сталкиваются слаборазвитые страны в результате «структурной перестройки», в частности, происходит из-за ликвидации спроса, создаваемого государством. В этом контексте важно иметь в виду, что так называемое экономическое развитие по сути сводится к коллективной индустриальной ренте, национальное распределение которой — несмотря на нашу мифологию *laissez-faire* — является итогом десятилетий «искусственного» перераспределения, отчасти связанного с усилиями профсоюзов. Сегодня мы весьма слабо понимаем взаимосвязь между ключевыми переменными: ростом спроса, перераспределением дохода и более высокими зарплатами, подталкивающими к механизации. В некоторых современных странах — например, в таких как Перу — налицо очевидное отсутствие положительной обратной связи, создаваемой этими факторами;
- 7) государство играет очень серьезную роль в раздвижении технологических границ, создавая высококачественный спрос на национальную продукцию — т. е. спрос на товары, производство которых находится на пределе технологических возможностей данной эпохи. Ключевыми механизмами в этой сфере всегда были инфраструктурные проекты и военные заказы. Вернер Зомбарт в 1913 г. называл военные разрушения отправной точкой

9. Выражаю благодарность за это наблюдение Арне Дишу.

для творческого духа человека (Sombart, 1913a) — скажем, для поиска искусственных заменителей дефицитного сырья, — а также для организационных возможностей государства¹⁰. Это наиболее важный аргумент в духе Чандлера и Лазоника. Спрос со стороны государства имеет решающее значение не только в военной и инфраструктурной области; лица, персонифицирующие государство — королевская семья и знать, — выступают как портеровские требовательные потребители роскоши, создавая основу для будущей технологической экспансии в низкозатратное массовое производство. В историческом плане спрос на предметы роскоши играл ту же роль, которую играли люди, десять лет назад готовые заплатить 4 тысячи долларов за сотовый телефон, что позволило наладить современное массовое производство более совершенных телефонов ценой всего по 80 долларов. Опять же функция государственного спроса на предметы роскоши блестяще описана Вернером Зомбартом (1913b);

- 8) акцент на ценность знаний и образования *per se*. См. список политических мер, объединенных на рис. 1 под рубрикой «Шумпетеровский меркантилизм» (академии наук, образование, патентное право и защита авторских прав, тарифы, защищающие немногие отрасли, в которых сосредоточено получение новых знаний, и пр.);
- 9) долговременная задача, аналогичная тому, что в США XIX в. называлось стратегией высоких зарплат, т. е. высокие цены рассматриваются как цель *per se*. Основой для такого экономического мышления являлись человек и его потребности («Der Mensch und seine Bedürfnisse») вместо «полного равновесия», которое низводит человека до одного из нескольких факторов производства, а хорошо или плохо оно вознаграждается, система не учитывает. Значение уровня заработной платы для ВВП в целом иллюстрируется тем фактом, что в наше время заработная плата составляет обычно 70% от ВВП: т. е. максимизация богатства фактически означает максимизацию заработной платы в стране;
- 10) понимание значения *юридической системы*, создаваемой для укрепления вышеперечисленных структур. Христиан Вольф — немецкий экономист и философ права XVIII в. — рассматривал систему прав собственности, содействовавшую динамическому симбиозу между «лицами, накапливающими знания, и лицами, накапливающими деньги»¹¹, как фундамент системы, создающей — так же как и более ранняя система Фрэнсиса Бэкона — бесконечный процесс развития;
- 11) государство в крайнем случае само играет роль *предпринимателя и капиталиста*. Нет никаких оснований считать, что в каждый конкретный момент времени в каждой культуре существует «достаточный» запас предпринимательства; более того, вероятность такого запаса тем меньше, чем беднее

10. Зомбарт здесь говорит о творческом разрушении: «Wiederum steigt aus der Zerstörung neuer schöpferischer Geist empor...» (Sombart, 1913, P. 207). Шумпетер в отношении творческого разрушения употребляет немецкий термин «schöpferischer Zerstörung».

11. См.: Reinert, Daastøl, 1995.

данная страна. Как мы увидим в коротком разделе о государственных предприятиях, взятие на себя государством роли капиталиста или предпринимателя вызвано наличием «отстающих направлений» в системе, а не какими-либо идеологическими предпочтениями.

Мы полагаем, что государства в качестве экономических агентов существуют принципиально по тем же причинам, что и компании — по причинам, которые не вполне улавливаются современной экономической теорией с ее атомизмом и заикленностью на обмене. По нашему мнению, теория компаний отсутствует в современной экономической теории по тем же причинам, что и теория государства. И компании, и государства — это институты, порождаемые теми разновидностями системного синергизма, которые исключены из неоклассической теории вследствие предположения о полной разделяемости всех ресурсов, об идеальной информированности, идеальной конкуренции и отсутствии возрастающей отдачи.

Продолжая аналогию между государством и компанией, мы можем сказать, что размер и мощь компании в значительной степени определяются суммой уравнивающих друг друга сил — экономии от масштаба и дизэкономии от масштаба. Крупные химические компании возникают благодаря колоссальной экономии от масштаба в производстве, рекламе и финансовом секторе, однако подвержены и противоположному эффекту — дизэкономии от бюрократизации — в сферах управления и координации. Аналогичным образом мощь и размер государства разрываются между двумя противоположными тенденциями, удачно сформулированными Гумбольдтом (Humboldt, 1996, p. 22): «наивысшее благо», порождаемое такими объединениями, как государство, «представляет собой то самое разнообразие, которое создается союзом множества индивидуумов». Это разнообразие является ядром синергизма, порождающего общее благо, и, по моему мнению, им же в конечном счете объясняется, почему, как полагал Адам Смит, так важно «разделение труда» (см. об этом также у Серра, о котором пойдет речь ниже: Serra, 1913). Однако «это разнообразие, несомненно, перерождается в однообразие пропорционально степени вмешательства государства». Таким образом, существование государства создает тенденцию к «однообразию и инертности», которые представляют собой полную противоположность тому, что в первую очередь и послужило причиной вмешательства государства в экономику: потребности в «разнообразии и активности», т. е. в создании большого числа профессий («разделение труда») посредством предпринимательства.

Размер компании и размах ее деятельности определяются конкурирующими силами — зависящими от отрасли и от вида продукции, — в основе которых лежит баланс повышения и снижения отдачи от масштаба. Аналогично размер и степень активности государства (которое мы могли бы назвать «оптимальным государством») в каждый момент времени должны отвечать парадоксу, гласящему, что единство, создаваемое для того, чтобы воспользоваться синергизмом и экономией от масштаба, которые порождаются раз-

нообразием человечества и его активностью, в потенциале влечет за собой пагубный эффект¹² однообразия и инертности. Эти однообразие и инертность угрожают разнообразию и активности, синергизм которых государство в первую очередь и призвано поощрять и эксплуатировать. И в случае компании, и в случае государства важный ответ на дизэкономии от масштаба, порождаемую размером и растущей сложностью, заключается в концепции организационных способностей. Ответом на эти вызовы в мире бизнеса являлась «революция менеджмента» (см.: Chandler, 1977; 1990).

Под ролью государства в индустриальных странах часто понимают защиту «гражданских свобод» или той разновидности свободы, которую мы называем «свобода на...». Однако роль государства на ранних этапах экономического развития заключалась в создании системных эффектов, которые были призваны обеспечить «свободу от...» — свободу от голода, от несправедливости, от невежества. Впрочем, с течением времени начинает проявляться другой аспект динамического баланса, создающего «оптимальное государство», когда действия государства по обеспечению «свободы от...» постепенно начинают восприниматься как посягательство на «свободу на...». Бунт Смита против ренессансной экономической политики можно воспринимать как именно такой конфликт, что видно и из выступлений Тюрго против крайностей колыбелизма. В Англии того времени политика «государства развития» вступила в сферу снижения отдачи от статичного и индивидуального рентоискательства вместо синергетического коллективного рентоискательства. Очевидно, стране требовалась большая доза «рынков». Однако, как активно указывали немецкие, американские и японские экономисты XIX в., это не означает, что страны, достигшие уровня Англии, могут в любой момент и при любых обстоятельствах применять ту же самую политику. Роль государства — подобно конкретному балансу между акцентом на свободу *на* и свободу *от* — очень сильно зависит от контекста.

4. НОВЫЕ ЗНАНИЯ, СИСТЕМНЫЕ ЭФФЕКТЫ, ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ОБРАТНЫЕ СВЯЗИ В РЕНЕССАНСНОЙ ЭКОНОМИКЕ И СООТВЕТСТВУЮЩАЯ РОЛЬ ГОСУДАРСТВА

Ренессанс представлял собой порождение таких философов-политиков, как Фрэнсис Бэкон (1561–1626), который сознательно рассматривал свой утопический трактат «Новая Атлантида» как эссе, предсказывающее будущее с целью оказать на него вдохновляющее влияние — сам он называл этот процесс «подделкой истории» (Crother, 1960). В «Новой Атлантиде» Бэкона (изданной в 1627 г.) и его же «Эссе о новшествах» (ок. 1605 г.) описывается развитие общества, происходящее под влиянием новых изобретений и инноваций; эти произведения, по моему мнению, должны рассматриваться как самые первые труды о том, что мы сегодня называем «шумпетеровской экономикой». В нашей статье мы попытаемся показать, что экономическая

12. См. ссылку на хиршмановский «тезис о пагубности» во введении к статье.

политика, проводившаяся европейскими национальными государствами со времен Ренессанса, не имея особого смысла с точки зрения неоклассической экономики, все же обладает колоссальным смыслом, если рассматривать ее не только с точки зрения шumpетеровской экономики, но и в свете других последних достижений в экономической теории.

Не только в «подделанной истории» Бэкона, но и в реальной истории ранние изобретения и инновации появляются как результат того, что, в соответствии со словарем Чандлера, следовало бы назвать организационными способностями государства (см.: Chandler, 1990; Lazonick, 1991). Вследствие наблюдавшегося в нашем столетии конфликта между плановой и рыночной экономикой взаимоотношения между государством и частными предпринимателями по-прежнему зачастую понимаются как состояние естественной вражды. Однако в историческом плане государство и частные предприниматели чаще действовали в духе взаимности и партнерства, когда государство содействовало частным предпринимателям и принуждало их заниматься тем или иным бизнесом, или же — когда это не помогало — в крайнем случае само брало на себя роль предпринимателя. Мотивацией, стоявшей за «Зеленым документом об инновациях», принятым в 1995 г. Европейской комиссией и растиражированным в количестве 30 тысяч экземпляров, было желание повысить организационные способности современных европейских государств по сохранению «конкурентоспособности» Европы путем укрепления ее Национальных инновационных систем (см.: Lundvall, 1992; Nelson, 1993).

В предисловии к самому современному и передовому учебнику по экономическому росту утверждается, что «источником экономического роста в первую очередь выступает накопление знаний» (Barro, Sala-i-Martin, 1995). Мы попытаемся показать, что ключевая историческая роль, которую государство играло со времен Ренессанса, заключалась именно в содействии новым знаниям и инновациям и их защите. На *рис. 1* приведен список самых важных, по нашему мнению, примеров государственного вмешательства в экономическую политику с эпохи Ренессанса. Мы полагаем, что общим моментом всех этих разновидностей экономической политики — их объединяющей чертой — была именно заинтересованность в приобретении и защите новых знаний. При взгляде на историю с примитивной точки зрения обмена, а не производства, и в условиях снижающейся отдачи/просто-го равновесия/идеальной информированности значение этой политики утрачивается. С точки зрения снижающейся отдачи/равновесия любые факторы, приводящие к неравномерности экономического роста, пропадают, и мы оказываемся в мире искусственной гармонии и всемирного выравнивания цен на факторы производства. Как мы попытаемся продемонстрировать ниже, наиболее важная историческая роль Адама Смита состояла именно в том, что он заложил основы для «идеальных рынков» и «естественной гармонии», объявив стремление к знанию игрой с нулевой суммой — если воспользоваться метафорой лотереи — с точки зрения как индивидуума, так и государства. Таким образом Адам Смит фактически вывел из рас-

смотрения стремление к неидеальной конкуренции путем приобретения новых знаний, занимавшее столь важное место в ренессансном мышлении. Именно этим в конечном счете объясняется, почему новые знания и новые технологии в современной мейнстримной экономике воспринимаются как манна небесная.

Досмитовское экономическое мышление отталкивалось от холистической отправной точки — народа, государства. Существует ключевая идея о том, что положение каждого индивидуума можно улучшить посредством мер, которые учитывают коллективизм индивидуумов. Иными словами, есть системные эффекты, которые невозможно выявить, если ограничить поле зрения атомистическим изучением отдельных индивидуумов. Мы полагаем, что наличие таких системных эффектов представляет собой фундаментальную причину, по которой государство играет определенную роль в экономическом росте. Мы по-прежнему находим решительную склонность к такому системному подходу у раннего Адама Смита — прежде, чем он подпал под влияние физиократов. У позднего Адама Смита берет верх атомизм Джона Локка, однако фундаментальная идея Смита о том, что «разделение труда ограничивается размерами рынка», представляет собой описание одного из вышеупомянутых системных эффектов. Мы полагаем, что разделение труда важно лишь в том случае, если работает системная экономия от масштаба. Разумеется, «разделение труда» выпадает из неоклассической теории. В данном разделе мы рассмотрим прежние теории в их связи с экономическим ростом, а также попытаемся оценить эти теории с точки зрения современной эволюционной экономики.

Как мы уже говорили, цель экономической политики государства состоит в увеличении всеобщего блага, т. е. в процветании сообщества. Это отправная точка практически всех экономических произведений того периода. По-видимому, ренессансные экономисты впервые заметили действие системных эффектов, сделав наблюдение о том, что богатство явно скапливается в городах, а не в сельской местности. В этом заключался ключевой момент одного из первых экономических бестселлеров — «*Delle Cause della Grandezza delle Citta*», — написанного Джованни Ботеро (1543–1617) (Botero, 1590). Английский перевод, изданный в Лондоне в 1606 г., назывался «Причина величия городов». Однако между отдельными городами — между богатствами Венеции и нищетой Неаполя — наблюдались колоссальные различия, и эту проблему подверг всестороннему рассмотрению Антонио Серра в 1613 г. В лучших теоретических работах того времени различие между богатством и бедностью городов и деревни, а также между городами, объяснялось следующими главными факторами:

- размером и плотностью населения;
- разным «качеством» экономической деятельности;
- разнообразием видов экономической деятельности или его отсутствием, а также различной способностью разных видов экономической деятельности по запуску механизмов положительной обратной связи.

4.1. Размер и плотность населения

Ключевым аспектом этих теорий являлось значение, придававшееся наличию большого населения. «Могущество государства следует не из обширности его территорий, а из числа подданных и того, хорошо ли оно управляется». Такую фразу в различных формулировках можно найти в произведениях буквально всех экономистов и философов той эпохи — у Муна, Чайлда, Петти и Давенанта в Англии, у Монкретьена, Форбоннэ и Неккера во Франции и у Лейбница, Вольфа, Бехера и Юсти в Германии. Одной из причин повышенного интереса к Китаю, наблюдавшегося в XVII в., была большая плотность населения этой страны, считавшаяся пропорциональной уровню знаний и мудрости. Такой образ мысли очень далек от современного *zeitgeist*, в этом отношении всецело согласного с мрачными прогнозами Рикардо и Мальтуса. Исключив из современной экономики знания и технологию, мы опасаемся перенаселения в Боливии (с плотностью населения в 5 человек на квадратный километр) и в Перу (где плотность населения составляет 15 человек на квадратный километр), но не беспокоимся за Голландию с ее 400 жителями на квадратный километр.

Фактор населения имеет значение в том случае, если, как утверждал Адам Смит, «разделение труда ограничивается размерами рынка». При наличии фиксированных издержек и минимального эффективного масштаба (Chandler, 1990), связанного с созданием новых профессий — а это, безусловно, так, — увеличение населения действительно влечет за собой углубление разделения труда. Мы увидим, что Антонио Серра в своей работе 1613 г. четко указывает на значение разделения труда, тем самым примерно на 70 лет предвосхищая Петти и почти на 160 лет Адама Смита. Здесь можно отметить, что важнейший вклад последнего в понятие о разделении труда в реальности несовместим с предположениями неоклассической торговой теории: в условиях отсутствия экономии от масштаба, т. е. отсутствия фиксированных издержек, и идеальной информированности никакое разделение труда не имеет смысла. Теория Самуэльсона, доказывающая выравнивание цен на факторы производства, по-видимому, основана на предположениях, устраняющих те самые стимулы, которые ведут к разделению труда.

4.2. Различное «качество» экономической деятельности

«Ренессансная экономика», обосновывая политическое вмешательство, прибегала к нескольким уровням аргументации, которые приблизительно можно разделить на три категории: от наблюдений за отдельными различиями в благосостоянии, связанными с родом деятельности, через описание системного синергизма, проистекающего из этих родов деятельности, до описания — в одном случае особенно тщательного — полноценных систем положительной обратной связи:

- наблюдение о том, что одни виды экономической деятельности приводят к большему благосостоянию, чем другие; статичное и несистемное наблюдение о зависимости благосостояния от рода деятельности. (Допустим, если в наши дни адвокаты получают больше денег, чем сборщики салата, значит, нация сборщиков салата будет беднее, чем нация адвокатов.);
- некоторые виды экономической деятельности лежат в основе системного синергизма, который производит благосостояние и распределяет его на местном уровне или в масштабах страны («там, где многие применяют машины, лавочники будут богаче, чем в других местах, где машины не используются»);
- существует разная степень понимания того, как этот системный синергизм приводит к возникновению систем положительной обратной связи, однако наивысших похвал достоин Антонио Серра, который в 1613 г. дал описание Венеции как подлинно автокаталитической системы, причем увеличение отдачи и разнообразие — последнее выражалось в числе различных профессий в государстве (т. е. в степени разделения труда) — выявляются в качестве факторов, которые лежат в основе механизмов положительной обратной связи, порождающих богатство. В системе Серра Неаполь выступает как пример противоположного явления, поскольку в производстве сырья не наблюдается возрастания отдачи. (Кроме того, Адам Смит в своем «Богатстве народов» задается вопросом: почему в сельском хозяйстве почти нет разделения труда? С другой стороны, сельское хозяйство для него — единственное «естественное» занятие. Однако Смит так и не сделал вывода о том, что «неестественная» неидеальная конкуренция порождается углубленным разделением труда.)

Подобно тому, как сегодня мы усматриваем в профессии мойщика посуды в ресторане ничтожный потенциал для получения дохода по сравнению с профессией адвоката, так и ренессансные экономисты распространяли свою аргументацию на всеобщее благо как таковое. Иными словами, они полагали, что одни и те же факторы создают и различие в благосостоянии в рамках конкретной экономики, и различие в благосостоянии тех или иных наций. В результате действия дорикардовского здравого смысла мы не сможем добиться выравнивания цен на факторы производства, заставив всех людей одной страны мыть тарелки, а всех людей другой страны сделав адвокатами и разрешив свободную торговлю между обеими странами. В этих теориях экономический рост определяется видом деятельности; он возможен лишь в некоторых видах экономической деятельности, в которых существует динамичная неидеальная конкуренция, но не в других. Как мы увидим ниже, Адам Смит в своей поздней работе тщится доказать, что различий в доходах между профессиями не существует. Здесь мы говорим о различиях в заработной плате — составляющей более 70 % ВВП в индустриальной экономике, — а не о различиях в прибылях.

Что, спрашивал Джованни Ботеро в 1590 г., более важно для того, чтобы страна стала богатой: плодородие ее почвы или промышленность? Несом-

менно, промышленность, говорит Ботеро. Во-первых, «потому, что умелые руки человека способны произвести намного больше вещей, и вдобавок намного более ценных, чем производимое природой¹³. Природа дает сырье, но вещь... это творение рук человеческих. Шерсть — простое, грубое природное сырье. Сколько же прекрасных вещей, различных формой и размерами, ремесло может сделать из него...»

Мы встречаем аналогичные рассуждения у немецких экономистов-камералистов. Немецкие авторы-экономисты — в противоположность их английским коллегам — по большей части состояли на службе у правителей мелких немецких государств. Одной из их главных задач было повышение доходов от налогов, уплачиваемых правителю. Их наблюдения совпадали с наблюдениями итальянских экономистов: те подданные, что используют машины, способны платить намного более высокие налоги, чем подданные, не применяющие машин. В этом отношении использование машин стало пониматься как аналог тех профессий, которые нужны стране. Начало промышленной революции в Англии — создание текстильной отрасли Генрихом VII — основывалось на точно таких же рассуждениях¹⁴.

Понимание того, что экономическое развитие определяется видом деятельности, приводило к двум различным политическим подходам, которые применяло государство. Один из них заключался в наборе позитивных мер, имевших своей целью направить отечественную экономическую деятельность в «правильные» отрасли — те, которые в данный момент времени позволяли накапливать новые знания, использовать машины и т. д. То же самое понимание зависимости экономического роста от вида деятельности иногда приводило и к негативным мерам, имевшим целью не позволить другим странам развивать у себя «правильные» отрасли. Одной из таких мер был запрет на использование машин в колониях. Другие меры, направленные на разрушение уже существующей высококачественной отрасли, включали в себя британскую политику в Ирландии начиная с 1699 г., когда был запрещен прибыльный экспорт продукции высокоразвитых шерстяных мануфактур, а вместо них создавалось более трудоинтенсивное и менее механизмируемое производство изделий из льна (Hely-Hutchinson, 1779). В начале XIX в. подобная политика применялась против индийского текстильного производства. Одновременно с тем американские источники того времени описывают английскую коммерческую политику как направленную на предотвращение индустриализации США. Даже в 1904 г. в официальной истории Республиканской партии США, снабженной панегирическим предисловием, которое принадлежит перу президента Теодора Рузвельта, отмечалось: «До революции мы претерпели немало страданий от политики Великобритании, стремившейся обуздать наши устремления в сфере производства и механизации и превратить нас в народ покупателей, а не производителей...» (Curtis, 1904, p. 42). Англичане не делали секрета из того факта,

13. Botero (1590). P. 362. (Перевод мой. — Э. Р.)

14. См. дискуссию на эту тему: Reinert (1994).

что их стратегия направлена на недопущение индустриализации других стран. В 1816 г. Брогам так объяснял английскую стратегию в Палате общин:

Дело стоит того, чтобы причинить убытки поставщикам, чтобы задуть в колыбели те молодые производства в Соединенных Штатах, которые обязаны своим появлением войне (с Наполеоном) (Curtis, 1904, p. 40).

Отметим, что такое заявление весьма типично для XIX в. Да и Ричард Кобден — защитник свободной торговли — видел в отмене зерновых законов средство для ослабления производства в других странах. Кобден полагал, что высокая цена на зерно — основная причина, из-за которой Англия не в состоянии сохранить почти полную монополию на мировое промышленное производство. В глазах Кобдена свободная торговля зерном в первую очередь представляла собой способ, не позволяющий другим странам угрожать британской монополии на экспорт промышленных товаров:

Фабричная система, по всей вероятности, не появилась бы в Америке и в Германии; она наверняка не смогла бы добиться процветания ни в этих странах, ни во Франции, Бельгии и Швейцарии без преимуществ, причина которых — в низких расходах на пропитание работников этих стран по сравнению с британскими работниками (этот момент обсуждается в: Reinert, 1996).

В историческом плане экономическая политика, рекомендовавшаяся для экономики на основе производства, основывалась на двух альтернативных соображениях:

- 1) риски и опасности ресурсной экономики с ее специализацией на отраслях, не требующих высоких трудовых навыков и подверженных снижению отдачи. Одновременное воздействие двух этих факторов может загнать страну в ловушку нищеты («боливийский синдром»), из которой не выбраться путем технических изменений. Экспорт естественных ресурсов считался «плохой торговлей» в английской экономической традиции долгие годы спустя после работ Адама Смита и Дэвида Рикардо. Самое четкое выражение этого убеждения мы находим в трех томах, изданных в 1721 г. Чарльзом Кингом (King, 1721). Согласно таксономии Кинга, экспорт сырья является «плохой торговлей». Впоследствии аналогичные рассуждения можно было услышать в США, Германии и Японии XIX в., а также в Австралии и Канаде в XX в.;
- 2) выгоды, приносимые сосредоточением экономической деятельности нации в механизмируемых отраслях, требующих высоких навыков и приносящих возрастающую отдачу, т. е. обладающих набором характеристик, которые в течение долгого времени фактически понимались как синоним промышленности. Экспорт продукции этих отраслей в таксономии Кинга назывался «хорошей торговлей» и представлял собой традиционную английскую стратегию, которая и сделала из этой страны великую державу.

Впоследствии канадцы и австралийцы показали, что наличие отечественной производственной базы ведет к повышению навыков в ресурсодобывающих отраслях, не допуская снижения отдачи от этих отраслей — вследствие чего экспорт сырья из промышленной страны становится разумной стратегией.

Каковы же в таком случае характеристики «хороших» видов экономической деятельности, порождающих экономический рост? В некоторых наших публикациях мы приводили «индекс качества» экономических отраслей, перечисляя те характеристики, которые в системе с динамичной неидеальной конкуренцией позволяют ранжировать отрасли в соответствии с их способностью обеспечивать повышение экономического благосостояния нации. Этот «индекс качества» воспроизведен на *рис. 2*.

Различия в уровне заработной платы, как в пределах страны, так и между странами, по-видимому, являются следствием различий в уровне неидеальной конкуренции — вызываемых как статическими, так и динамическими факторами. Эти факторы уже давно известны и в бизнесе, и в индустриальной экономике, и они коррелируют друг с другом. Вертикальная шкала на *рис. 2* дает наглядное представление о «качестве» данной отрасли в любой момент времени: белый цвет соответствует «идеальной конкуренции», черный — «монополии». Последняя представляет собой лишь временное состояние, поскольку новые технологии с течением времени опускаются вниз по шкале.

4.3. Разнообразие, синергизм и механизмы положительной обратной связи в экономике Ренессанса

Статичное наблюдение более высокого благосостояния, обеспечиваемого некоторыми отраслями экономики, — явление весьма распространенное. Даниэль Дефо дает нам системное развитие этой аргументации, рассуждая о том, какие причины побудили Генриха VII развивать текстильную индустрию в Англии, когда тот пришел к власти в 1485 г.: живя со своей теткой во Франции, будущий английский король заметил не только то, что французские текстильщики (которые получали все сырье — шерсть и сукновальную глину — из Англии) живут гораздо богаче, чем их английские поставщики сырья, но и то, что это богатство распространяется на всю общину: там, где имелось промышленное производство, лавочники тоже были богаче. В этом заключался эффект синергизма между производственной отраслью и общим благом людей, не занятых в производственном секторе.

Существует несколько вариантов аргументации, основанной на этой разновидности системного синергизма, порождаемого промышленным производством. Адам Смит в своей «Теории моральных чувств», сочиненной еще до его знакомства с французскими физиократами, в этом отношении еще стоит на позициях традиционного меркантилизма. Причины, которыми немецкие философы и политики Лейбниц и Вольф объясняли, для

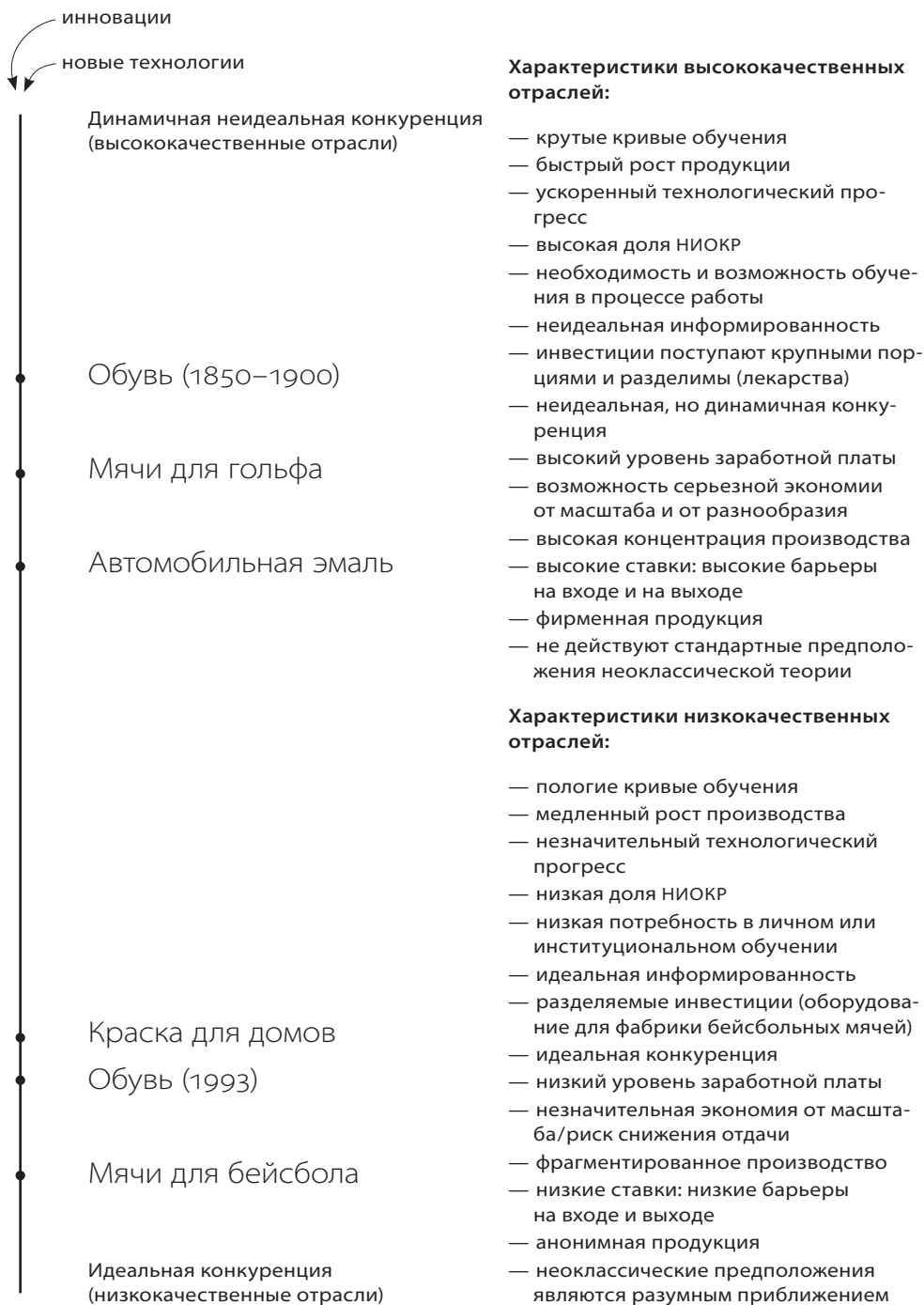

Рис. 2. Индекс качества экономических отраслей

чего нужно государство, включали в себя акцент на обучении, которое влечет за собой положительные системные эффекты. Причина, по которой в их системе интересы индивидуума почти не вступают в противоречие с общим благом, заключается именно в том, что увеличение знаний приводит к повышению прибылей и индивидуума, и общества: грубо говоря, «приливная волна (знания) поднимает все лодки». Вольф отмечает, что «некоторые люди накапливают знания так, как другие накапливают деньги», и выделяет те выгоды, которое общество получает, сводя людей двух этих типов друг с другом.

Самым замечательным из всех экономических трактатов до Адама Смита, по мнению автора данной статьи, несомненно, является книга Антонио Серра 1613 г. «Краткий трактат о причинах, по которым королевства, где нет рудников, изобилуют золотом и серебром» (Serra, 1613). Название отвечает нашему стереотипному представлению о меркантилистских трактатах, будто бы их авторов интересует только золото и серебро (Coquelin, Guillaumin, 1854). На самом же деле Серра создает чрезвычайно продуманную модель, которая при одних обстоятельствах приводит к системному экономическому развитию, а при других — к недоразвитости.

Отправной точкой для Серра служат знания. На посвятельном листе он обличает «невежество как причину и начало любого зла», отмечая далее «врожденное стремление к знаниям», присущее каждому человеку. План своего трактата он определяет следующим образом: 1) причины того, почему некоторые страны, даже не имеющие рудников, очень богаты, и 2) опирающееся на эти причины объяснение видимого парадокса, почему его собственная страна, Неаполитанское королевство, изобилуя естественными ресурсами, погрязла в такой вопиющей нищете, которая «не позволяет нам ни вздохнуть, ни наслаждаться тем, что дает нам природа». Серра был первым экономистом, описавшим возрастание отдачи (Roscher, 1882; Schumpeter, 1951); отталкиваясь от этого явления, он объясняет механизмы положительной обратной связи, обеспечивающие развитие национальной экономики.

Серра выделяет два типа факторов, обеспечивающих богатство наций: частные (или специфические) факторы (*accidenti proprii*), которые наблюдаются лишь в одной стране, но не в других, и общие факторы (*accidenti communi*), которые могут действовать в любой стране.

Частные факторы

Первым частным фактором в системе Серра является излишек продукции на экспорт. Фраза Серра «Излишек (*sopraffondanza*) производимых в королевстве товаров, превышающий его нужды и потребности» напоминает нам о теории международной торговли как об «избавлении от излишков» в духе Адама Смита, но длинные и изощренные рассуждения Серра на этом только начинаются. Серра объясняет, что он включает это обстоятельство в список частных, а не общих факторов, указывая, что наличие излишков — или положительный торговый баланс — присуще не всяким странам. Его второй

частный фактор—географическое положение (*il sito*) страны «по отношению к другим королевствам и частям света... создающее серьезную возможность для обширной торговли королевства и являющееся едва ли не ее причиной». Составляя рейтинг стран по их географическому положению, Серра ставит на первое место Венецию.

Общие факторы

Серра выделяет четыре общих фактора, приносящих богатство, и, что самое важное, объясняет, как эти факторы взаимодействуют друг с другом и с вышеупомянутым частным фактором географического положения:

1. *число и разнообразие профессий, связанных с производством* (*La quantità degli artifici... diversi*). «Число профессий», как я полагаю, в принципе является той же самой концепцией, что и «разделение труда», и в этом отношении Серра на 64 года предвосхищает Уильяма Петти с его часовой мастерской и на 173 года Адама Смита с его фабрикой, выпускающей булавки. Очевидно, что число профессий, связанных с производством, в данной стране — признак наличия различных экономических факторов, в первом приближении выступающий как их замена: передовой технологии, сложной структуры спроса, широкого разнообразия навыков и — благодаря наличию минимальных эффективных масштабов производства в каждой профессии — крупного рынка. Серра оценивает этот фактор выше, чем фактор «избавления от излишков», который был им зачислен в частные факторы. Причина этого в первую очередь кроется в наличии, по мнению Серра, большой разницы между промышленными и сельскохозяйственными профессиями;
2. *качество населения* (*la qualità delle genti*). О высоком качестве населения можно говорить тогда, когда «жители страны от природы трудолюбивы или же прилежны и изобретательны в торговле не только предметами своего ремесла, но и созданными чужими руками, и не упускают возможностей применить свое трудолюбие». В этом отношении высочайшую оценку получает Генуя, затем идет Флоренция, а Венеция находится лишь на третьем месте, поскольку «хотя она ведет более обширную торговлю, чем все города Италии, вместе взятые, она тем не менее занимает третье место в отношении этого обстоятельства». Серра, очевидно, связывает бесплодие Генуэзской республики (*il loro paese sterilissimo*) с ее трудолюбием и богатством;
3. *наличие обширной торговли* (*il traffico grande*). Здесь мы находим приведенное Серра описание того, как различные факторы, порождающие богатство, взаимодействуют и взаимно усиливают друг друга, создавая механизмы положительной обратной связи. Как пишет Серра о Венеции, «ей на помощь приходят ее обширные производства; это обстоятельство приводит сюда множество людей, не только из-за самих их ремесел, в каковом случае причина заключалась бы только в них, но и благодаря совокупности двух этих обстоятельств, потому что одно усиливает другое: стечение народа, обязанное торговле и географическому положению, становится

еще больше благодаря производствам, а производства процветают благодаря наплыву людей, обязанному торговле, при том, что сама торговля расширяется из-за того же самого наплыва людей»¹⁵. Не постесняемся лишний раз подчеркнуть, что отправной точкой для описанных у Серра механизмов обратной связи служит возрастание отдачи от производства;

4. *законы государства (la provvisione di colui che governa)*. Здесь Серра подчеркивает роль государственной политики, направленной на создание национального богатства. Это самая сложная задача, говорит Серра, потому что одна и та же политика может привести к самым разным последствиям в различных отраслях: «Подобно тому, как глина на солнце затвердевает, а воск тает, подобно тому, как тихий свист раздражает собаку, но успокаивает лошадь». (Можно привести в пример экономическую политику, содействующую инновациям путем субсидирования исследований, которая весьма благотворно сказывается на фармацевтической промышленности, но несколько не помогает полиграфии, в то время как политика субсидирования закупок новейшего оборудования поможет полиграфии, но едва ли скажется на фармацевтике.) Невзирая на эти затруднения, Серра ясно дает понять, что экономическая политика — самый важный фактор из тех, от которых зависит богатство наций.

Продолжение следует

Перевод Николая Эдельмана

15. «...ma ancora giova la quantità dei artefici che in essa si ritrovano, il di cui accidente causa concorso grandissimo di gente, non solo per gli artefici, mentre in tal caso a quelli si attribuirebbe la causa, ma per il concorso di questi due accidenti insieme, poiché l'uno somministra forza all'altro, e il concorso grande che vi é al rispetto del traffico e della ragione del sito cresce per la quantità degli artefici, e la quantità degli artefici cresce per il concorso grande del traffico, il quale per il concorso predetto diventa maggiore».